

Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства*

Кириленко В. П. *, Шамахов В. А., Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В условиях цифровой трансформации обеспечение национальной безопасности в медиасфере становится многоплановой задачей, связанной с реализацией культурного суверенитета России. Стратегическое планирование развития национального медиапространства предполагает внутриполитические и дипломатические решения концептуального плана, которые способны обеспечить единство международного информационного пространства при противодействии угрозам: (1) пропаганды насильственного экстремизма, (2) популяризации деструктивной идеологии, (3) снижения уровня культурного капитала власти и оппозиции. Оперативные планы по обеспечению медиабезопасности государства достаточно часто следуют логике ситуационного реагирования на угрозы, исходящие от противников, и рассчитывают на использование охранительных мер в отношении медиапространства на национальном уровне. В методологическом плане медиабезопасность государства характеризуется системными практиками обеспечения информационной безопасности (при формальном юридическом анализе) и анализом угроз когнитивной и ноосферной безопасности (при естественно-научном исследовании коммуникативных процессов). Методика исследования предполагает использование свойственного нокологии метода включенного наблюдения для классификации угроз, исходящих от средств массовой коммуникации.

Среди основных задач статьи: анализ современных российских политических и правовых документов, нацеленных на обеспечение медиабезопасности и противодействие экстремизму, характеристика российской политики по секьюритизации социальных проблем в медиасфере, отграничение легальной политической борьбы от криминальных (экстремистских и деструктивных) практик политического общения. В задачи исследования входит анализ зарубежного опыта по обеспечению национальной медиабезопасности в условиях цифровизации и роста угрозы насильственного экстремизма. Логика конкуренции в цифровом культурном пространстве практически исключает использование государственными органами секретности, цензуры и принуждения аудитории к просмотру пропаганды в процессе обеспечения медиабезопасности. Публичные отношения в медиасфере предполагают выбор медиаконтента аудиторией глобального информационного пространства, а значит защита отечественных духовно-нравственных ценностей реализуется в либеральной парадигме и требует открытого диалога партии власти и оппозиции по актуальным вопросам национальной безопасности.

Ключевые слова: суверенитет, когнитивная безопасность, деструктивная идеология, свобода слова, оппозиция, радикализация

Для цитирования: Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 9–24

Countering Extremist Ideology and Media Security of the State

Viktor P. Kirilenko*, Vladimir A. Shamakhov, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № 122112800080-3 «Глобальный индекс экстремизма: социальная функция и методики измерения».

ABSTRACT

National security in the media sphere is becoming a multifaceted task related to the implementation of Russia's cultural sovereignty in the context of digital transformation. Strategic planning for the development of the national media space involves domestic political and diplomatic decisions of a conceptual nature that can ensure the unity of the international information space while countering threats: (1) propaganda of violent extremism, (2) popularization of destructive ideology, (3) reduction of cultural capital level of the party in power and opposition. Operational plans for ensuring media security quite often follow the logic of situational response to threats posed by enemies and implement protective measures in relation to the media space at the national level. In methodological terms, the media security of the state is characterized by systemic practices of ensuring information security (in formal legal analysis), and analysis of threats to cognitive and noospheric security (in the natural science study of communication processes). The research methodology involves the use of the method of participant observation inherent in noxology to classify threats emanating from the mass media. Among the main objectives of the article: analysis of modern Russian political and legal documents aimed at ensuring media security and countering extremism, characterizing the Russian policy of securitization of social problems in the media sphere, delimiting legal political struggle from criminal (extremist and destructive) practices of political communication. The objectives of the study include the analysis of foreign experience in ensuring national media security in the context of digitalization and the growing threat of violent extremism. The logic of competition in the digital cultural space practically excludes the use of secrecy, censorship and forcing the audience to watch propaganda in the process of ensuring media security. Public relations in the media sphere involves the choice of media content by the audience of the global information space, which means that the protection of national spiritual and moral values is implemented in the liberal paradigm and demands open dialogue between the party in power and the opposition on topical issues of national security.

Keywords: sovereignty, cognitive security, destructive ideology, freedom of speech, opposition, radicalization

For citing: Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Countering Extremist Ideology and Media Security of the State // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 9–24

Президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью ТАСС 17 марта 2020 г., защищая плюрализм в Парламенте, отметил, что «государство обязано создать условия для того, чтобы человек любых взглядов, каких бы он ни придерживался, имел возможность эффективно работать»¹. Вместе с тем политические позиции сторон российского парламентского диалога солидарны в осуждении идеологии насилия и экстремизма. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» исходит из сложившегося в мировом сообществе консенсуса в отношении того, что насильственный экстремизм угрожает плюрализму и свободе слова, которые необходимы в правовом государстве.

В условиях цифровой трансформации традиционные российские духовно-нравственные ценности подвержены влиянию глобального информационного пространства, где наряду с прогрессивными творческими практиками распространяется деструктивная и экстремистская идеология. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. относит информационную безопасность и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуру и историческую память к *стратегическим национальным приоритетам*, на которых концен-

---

¹ Об оппозиции — системной и не только. Интервью ТАСС 17 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/62997> (дата обращения: 24.04.2023).

трируются усилия и ресурсы органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества (п. 26)¹.

Национальные интересы в информационной сфере в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации 2016 г.² (далее — Доктрина) включают в себя защиту «исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации» (пп. а п. 8). Теоретически защита традиционных духовно-нравственных ценностей относится к области медиабезопасности, так как в системе информационной безопасности (которая включает в себя институты защиты информации (секретности), кибербезопасности и медиабезопасности) морально-нравственные принципы и нормы являются социально-открытыми и общедоступными [14, с. 57]. Вместе с тем отдельное упоминание на уровне Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. традиционной культуры и духовности порождает неизбежную юридическую научную дискуссию.

С одной стороны, духовность, культура и историческая память — значимые национальные интересы и «власть озабочена информационно-психологическими диверсиями и „вестернизацией“ культуры, усиливающими угрозу утраты нашей страной культурного суверенитета» [25, с. 36], с другой стороны, «понятие „нравственность“, используемое для ограничения прав и свобод, вызывает массу споров и дискуссий, так как либеральные, консервативные и коммунистические идеологии, партии, общественные деятели, общественные организации имеют различное представление о ней» [23, с. 37].

Отнесение идеологических вопросов национальной политики к области национальной безопасности, их секьюритизация, требует (1) формализации конкретной идеологической парадигмы, (2) обоснования необходимости использования сил и средств государственной безопасности для решения идеологических задач, (3) создания механизма защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как приоритета политики медиабезопасности.

Формализация современной российской идеологической парадигмы производится в *Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г.* (далее — Основы).

В Основах к традиционным ценностям относятся нравственные ориентиры из области экономики политики и права среди которых, как представляется, для медиабезопасности особое значение имеют: права и свободы человека, патриотизм, гуманизм, историческая память и единство народов России (п. 5)³.

В плане медиабезопасности Основы для решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей предполагают (1) развитие и совершенствование форм и методов противодействия рискам, связанным с распространением деструктивной идеологии в информационном пространстве (пп. г. п. 19); (2) повышение эффективности просвещения и совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи (пп. д, е п. 19) и совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии (пп. ж п. 19). В Основах под деструктивной идеологией понимается «чуждая рос-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 24.04.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

сийскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, которая основана на культивировании эгоизма и т. д.» (п. 14), при этом сами духовные ценности основаны на «коллективизме», который оказался в одном ряду с правами человека и весьма абстрактным «милосердием» (п. 5).

Наблюдения за медийными практиками показывают, что все пользователи смотрят одни и те же новости, играют в одни и те же онлайн-игры и только официальные интерпретации в информационном поле стремятся создать параллельные нормативные измерения медиапространства на национальном уровне, защищающие граждан от проявлений деструктивной идеологии. Существование деструктивной идеологии, угрожающей национальной безопасности, не вызывает сомнений. Криминализация проявлений насильственного экстремизма и терроризма представляется рациональной в силу угроз, исходящих от экстремистских сообществ, деструктивных религиозных сект, групп смерти и террористических организаций. Глобальный характер экстремистской угрозы в условиях цифровой трансформации требует международного сотрудничества при противодействии расизму, ксенофобии и другим экстремистским практикам [2]. В контексте Основ возникает небезыңтересный вопрос о том, как соотносятся «деструктивная идеология» (п. 14 Основ) с нормами Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и положениями ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности».

Согласно Основам «угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России» (п. 13). Очевидно, что Основы определяют понятие «деструктивная идеология» шире, чем Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года понимает термин «экстремистская идеология» (совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов) (пп. в п. 4).

Представляется, что адепты деструктивной идеологии — (1) террористы и экстремисты, (2) недружественные государства и ТНК и (3) маргинальная оппозиция внутри России — руководствуются различными интересами и в разной степени угрожают национальной безопасности. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с деструктивной идеологией в рамках пп. ж п. 19 Основ необходима в отношении террористов и экстремистов, ограничена правами и свободами человека при общении государства с маргинальной оппозицией, и ограничена юрисдикцией государства (как территориальной, так и предметной) при противодействии зарубежной «деструктивной идеологии». Весьма дискуссионными представляются попытки российского законодателя формализовать эгоизм, коллективизм и милосердие в контексте положений Основ о правах человека, гуманизме и патриотизме. В то время как права человека, гуманизм и патриотизм являются фундаментальными императивами, на которых основано правовое государство, о пределах допустимого эгоизма, снобизма и индивидуализма в обществе должна идти открытая моральная дискуссия, так как эти проявления индивидуальности (возможно негативные) в здоровом обществе неизбежны. Если патриотизм и защита отечества для всякого дееспособного гражданина государства представляются нормой и обязанностью, то заставить гражданина стать коллективистом по духу и воспитать всех граждан коллекти-

вистами нерационально, так как фундаментальной социальной ценностью является разнообразие, поставленное в рамки естественного права [5].

Коллективистам свойственно преувеличивать роль государственных институтов в экономической жизни общества, оперируя интересами безопасности. Коллективистская стратегия исходит из того, что «приношение в жертву личной свободы ради коллективной безопасности в силу исторических причин было принято именно государством» и поскольку «обеспечение безопасности как затратное, хлопотное и касающееся всех дело всегда сосредотачивалось в руках некоего коллективного образования (рода, общины, общества в целом)» [8, с. 62], постольку государство легитимно ограничивает свободу конкретных граждан в интересах национальной безопасности. Индивидуалист, напротив, будет всегда ставить под сомнение легитимность ограничения личных свобод неэкономическими методами, так как небезосновательно полагает, что политический класс может использовать инструмент обеспечения безопасности для сохранения собственного господства (domination) [41].

В условиях неолиберального экономического порядка набирает силу деструктивная идеология, наблюдается разобщенность и цифровой разрыв. С одной стороны, по точному наблюдению профессора А. В. Бузгалина, «в сфере политики развитие отношений *глобальной гегемонии капитала* (курсив наш — В. К., В. Ш., Г. А.) приводит к постепенному вытеснению отношений классической буржуазной демократии массовым политическим производством, в рамках которого политическая активность гражданина замещается политическими технологиями. [В итоге] <...> акторы, контролирующие экономико-политические процессы, производят при помощи политтехнологов из пассивных объектов (электората) необходимые результаты — голоса» [4, с. 158]. С другой стороны, в условиях, когда роль участия рядового гражданина в принятии политических решений снижается, «России сегодня главное не растерять потенциал личностных идеалов, ориентирующих на приоритетность общечеловеческих, гуманистических ценностей, демонстрирующих возвышение над эгоизмом и уважение к представителям других культур» [18, с. 200].

По логике Основ природа идеологического конфликта России и США уходит корнями в интерпретации античной философии, где «Чары Платона» (The Spell of Plato) выступают обоснованием сильного государства, а либеральные учения стремятся защитить индивида от произвола со стороны «лжепророков», действующих от имени или во имя сильного государства [37]. Формально конфликт сводится к тому, что мировоззрение очень небольшого числа граждан США (особенно в элитах) строится на таких нравственных ориентирах, как «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм» (п. 5 Основ). Элиты США воспринимают такую риторику российских Основ как враждебную демагогию в отношении велфаристической и гуманистической рациональной логики глобального миропорядка. В России согласно Основ «приоритет духовного над материальным» в контексте коррупционных проявлений актуализирует проблему лицемерия.

С косвенной критикой неуважения к представителям других культур и безосновательного шельмования иностранных государств как «недружественных» на ежегодном съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) 16 марта 2023 г. выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив, что «у нас в общественное сознание и в оборот вошло такое словосочетание „недружественные страны“. Оно неточно отражает существующие реалии. Можно сказать, вообще не отражает, потому что у нас есть недружественные элиты в определенном количестве стран, недружественные правители»¹.

¹ Путин в цифрах рассказал, как складывается ситуация в российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/03/17/s-repa-na-repu.html?ysclid=ikw6m0qzlx242260668> (дата обращения: 24.04.2023).

Представляется, что для сбалансированности Основ к традиционным российским духовно-нравственным ценностям следовало бы отнести дипломатичность и дружелюбие, необходимые для заимствования передового иностранного опыта во всех областях народного хозяйства. Не следует забывать, что многие символы России, включая Московский Кремль, построили итальянские архитекторы, «когда Россия волею Петра I решила стать морской державой, то было вполне понятным ее обращение к опыту западного кораблестроения и навигации» [26, с. 68], а индустриализация в СССР происходила не без помощи американцев, европейцев и японцев, которые, конечно, не бесплатно, но все-таки передали технологии и оборудование, необходимое для развития советского тяжелого машиностроения.

Современные проблемы безопасности в мировом сообществе обусловлены не столько конфликтом коллективистов и индивидуалистов, сколько взаимным недоверием элит в условиях меняющихся ценностных ориентиров. По справедливому замечанию Е. И. Галяшиной, трансформация системы ценностей обусловлена «модернизацией общественной жизни. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом» [7, с. 35]. В результате вооруженного конфликта, центральной идеей которого стала «денацификация»¹, более 6,2 млн беженцев с территории Украины (из которых 1,3 млн оказались в России)² демонстрируют критическую важность рациональной идеологической парадигмы на национальном уровне и разрушительные последствия этнокультурных конфликтов. Проблема враждебности и недоверия имеет морально-нравственную и экономическую природу и не сводится к идеологическим противоречиям индивидуалистов и коллективистов или либералов и консерваторов.

Президент Российской Федерации В. В. Путин как до зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г., так и после неоднократно заявлял о своей приверженности либеральным взглядам³. В 2016 г. пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. С. Песков специально пояснил: «недрузи — в первую очередь за рубежом, но и некоторые недрузи внутри России, — считают, что Путин скорее консерватор и такой государственный, которому чуждо слово „свобода“. Но Путин — абсолютный либерал по своей натуре. И гораздо больший либерал, нежели назывные либералы, которые именуют себя псевдоопозицией»⁴. Для справедливости наблюдений следует подчеркнуть, что никто себя «псевдоопозицией» не именуется и не считает, скорее следует говорить об отрицательной оценке деструктивных практик работы несистемной оппозиции за рубежом и о недопустимости зарубежного вмешательства во внутрироссийский политический процесс за счет создания псевдоопозиции финансируемой из-за рубежа.

После начала специальной военной операции на территории Украины 27 мая 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь к креативной молодежи Крыма, подчеркнул, что «творческой мысли, творческому поиску, без-

¹ Путин назвал денацификацию Украины одной из ключевых задач России. 16.06.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230616/ukraina-1878727166.html?ysclid=llhuffluo3697309780> (дата обращения: 24.04.2023).

² Ukraine Refugee Situation [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>.

³ Интервью российским и иностранным СМИ. 19 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20080> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Путин по своей натуре является абсолютным либералом, заявил Песков [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20161221/1484252401.html> (дата обращения: 24.04.2023).

условно, необходима свобода»¹. Безусловность свободы во многом определяет успех в деле государственного строительства, кооптации мигрантов и новых территорий. Суть российских духовно-нравственных ценностей во многом определяется тем, что секулярное государство, политический плюрализм и единство многонационального народа не имеют рациональной альтернативы в современной России.

Критического анализа заслуживают тезисы о том, что «либеральная идеология управления российским народом себя исчерпала <...>, либерализм в нашей стране схематично воплощался следующим образом: вначале его идеологи на уровне индивидуального и массового сознания ввели в „заблуждение“ так называемых топ-менеджеров от государства, выдавая пустые абстракции за подлинные человеческие ценности, за которые нашему народу предлагалось пострадать. <...> Народ не сразу обнаружил ложь» [1, с. 819]. Необходимо уточнить, что ложь состоит именно в сведении либерализма к *глобальной гегемонии капитала*. «Заблуждение», если оно вообще имело место, состояло (по точному описанию В. С. Нерсисянца) в том, что «общественное мнение, народное сознание, по сути, верно видят в кооператорах, индивидуалах, арендаторах и т. д. владельцев собственности на средства производства. И „образ врага“ здесь неизбежно появляется как выражение объективной противоположности между социалистической и частной собственностью» [19, с. 51], при этом уважение частной собственности — это моральная проблема, так как «мораль по своему генезису и правовой сути — это свобода человека от бога и государства; это человек — вне бога и государства, меж богом и государством. Моральная свобода — свобода индивида от небесной и земной власти» [20, с. 158].

Способность индивида высвободиться от власти капитала и криминального (экстремистского) авторитета и его потенциал к достижению личного успеха и семейного счастья формируется благодаря деятельности «научных, образовательных, просветительских организаций» (пп. Д, п. 19 Основ), однако Просвещение везде приводило к формированию моральной негативной свободы от государства и от церковной власти.

Государство как форма организации общества, основанная на взаимопомощи (коллективизме), нуждается в результатах индивидуального творческого труда, и поскольку без индивидуализма мотивация к инновациям в социуме слаба, либеральная мораль Просвещения не имеет альтернатив и подразумевает систему привилегий для тех индивидов, чей культурный капитал и креативный труд полезен государству.

Деятельность правоохранительных органов по борьбе с деструктивной идеологией (пп. Ж п. 19 Основ), в свою очередь, предполагает защиту граждан от неолиберальных экономических и силовых злоупотреблений естественными свободами, угрожающими коммуникативному и «либертарному» [24] правовому порядку.

Секьюритизация национальной идеологической парадигмы может быть обоснована путем расширения предметной области национальной безопасности в рамках критических исследований. Копенгагенский подход Барри Бузана (Barry Buzan) и Оле Вэйвера (Ole Wæver) к исследованию безопасности исходит из иерархии интересов и лишь констатирует тот факт, что элиты в процессе принятия политических решений о секьюритизации социальных проблем находятся под воздействием диалога о национальной безопасности, который развивается не только в парламенте, но и в социальных медиа [30]. Спектр угроз национальной безопасности,

¹ Видеообращение по случаю открытия Академии творческих индустрий в арт-кластере «Таврида» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71216> (дата обращения: 24.04.2023).

исходящий из глобального медиапространства, достаточно широк, однако большинство актуальных угроз не имеют критического характера, не несут непосредственной опасности для жизни и здоровья граждан, не расцениваются как имманентные риски для работы государственного аппарата. Поскольку на практике медиаугрозы не затрагивают верхние уровни иерархии национальных интересов, а политика по секьюритизации идеологических вопросов требует мобилизации аппаратных усилий и значительных затрат, постольку публичное реагирование на деструктивную идеологию часто строится в рамках правового поля (без введения специальных административных режимов), носит ситуационный (казуальный) характер и объясняется интересами политического класса.

Критический подход парижской школы для секьюритизации медиаконтента формирует понимание народной (*vernacular*) безопасности, в рамках которого логика криминологического исследования применяется в медийном поле политики национальной безопасности [34]. Повестка дня критических исследований в области безопасности распространяется на демонстрацию насильственного экстремизма и проявления киберпреступности [29]. Разнообразие составов киберпреступлений приводит к тому, что вопросы медиабезопасности и кибербезопасности рассматриваются совместно, так как тактические медиа существуют по общим правилам виртуального рынка в медиапространстве [33]. В итоге возникает парадокс, при котором реагирование на универсальные и разноплановые угрозы осуществляется на основе локального публичного диалога вокруг конкретных вызовов правопорядку. Такая вернакулярная логика в целом подтверждается исследованиями в сфере противодействия насильственному экстремизму и терроризму, где локальные «нарративы безопасности» определяют политику по борьбе с конкретными экстремистскими сообществами [38].

Для российской школы медиаобразования характерны исследования в области когнитивной безопасности, которые демонстрируют необходимость вмешательства государства в академические процессы для защиты психологического состояния и психического здоровья граждан [17]. В рамках педагогической логики происходит лишь косвенная секьюритизация процессов восприятия информации массовой аудиторией: влияния медиапродуктов на общество, манипулятивных и вирусных технологий в медиасфере, практики постановки повестки дня и проблемы фейкового контента в массовых коммуникациях. Научный педагогический дискурс ведется вокруг «медиабезопасности современной медиааудитории» [16, с. 42] и лишь косвенно затрагивает проблемы национальной безопасности. Так, например, справедливо отмечается, что «все более актуальной становится проблема обеспечения медиабезопасности детей», и их защиты «от влияния контента, который может ... пропагандировать деструктивные модели поведения» [15, с. 363]. Очевидно, что необходимо решить задачу защиты детей от пропаганды экстремизма и без участия государства добиться этого результата крайне сложно. В свою очередь решение гражданским обществом задачи по выработке рациональных ограничений в спорных ситуациях, где распространяется детская литература низкого качества, когда она по-разному воспринимается детьми разного возраста и воспитания, когда демонстрация обычных жизненных ситуаций в цифровых медиа вызывает стресс у детей с большой психикой, остается нерешенной проблемой. Установление четких юридических границ между вопросами политики безопасности и проблемами профессиональной педагогики — одна из перспективных задач ноксологии в условиях цифровой трансформации.

В рамках исследований в сфере международных отношений медиабезопасность рассматривается как неотъемлемый компонент национальной безопасности, который в первую очередь способствует повышению «эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации» (пп. И п. 23

Доктрины). Взаимозависимость медиабезопасности и национальной безопасности определяется качеством медиареагирования на критические внешние и внутренние угрозы национальной безопасности [28]. Качество национальных медиа является вопросом национальной безопасности, так как «деятельность СМИ <...> невозможна без креативных инструментов, которые служат для привлечения внимания потребителей» [3, с. 36], а сами медиа способны решать внешнеполитические задачи в качестве органов государства, партийных органов, институтов гражданского общества и свободных творческих коллективов. Территория распространения медиаконтента не ограничена юрисдикцией государства, и если «СМИ — это инструмент власти, такой же, как армия» [22, с. 41], то реалии «ноополитики» [22] означают неизбежность секьюритизации всей медиасферы, иначе инструменты власти могут быть использованы против национальных интересов врагами государства: специальными службами иностранных держав и криминальными элементами, а том числе экстремистскими сообществами.

В рамках теории политики американский профессор Дебора Шепли (Deborah Shapley) еще в 1982 г. приводит веские доводы в пользу того, что «в условиях демократии средства массовой информации должны играть роль в обеспечении того, чтобы избиратели были хорошо информированы, чтобы на них меньше влияла демагогия или пропаганда. Средства массовой информации — газеты и телевидение — должны найти способы более широко и подробно освещать вопросы национальной безопасности, даже если это иногда означает отказ от профессиональных ограничений...» [40, р. 207].

Другой американский ученый Робин Томпсон (Robin Thompson) в 2011 г. констатирует, что «аналитики и лица, принимающие решения, связанные с разведкой и национальной безопасностью, должны быть вовлечены в социальные сети, чтобы они могли понять нюансы того, как нечестные пользователи могут использовать преимущества социальных сетей для радикализации населения. Если террористические группы или враги государства используют социальные сети для целей управления, контроля и связи во время нападения или крупного события <...>, то государственные органы должны нейтрализовать эту угрозу» [44, р. 179].

Австралийский специалист по обеспечению национальной безопасности Сэм Роггевен (Sam Roggeveen) в 2015 г. отмечает тот факт, что «на австралийские онлайн-издания, посвященные вопросам обороны и национальной безопасности, повлияли более широкие тенденции онлайн-медиа <...> Например, одной из заметных отраслевых тенденций является появление „кликбейта“, который представляет собой легкий, тривиальный, поверхностный материал, предназначенный для привлечения трафика» [39, р. 26]. Кликбейт, как метод десекуритизации медийного дискурса вокруг политики обороны и национальной безопасности, способствует усилению глобальной гегемонии финансового капитала, которая ставит под угрозу духовно-нравственные ценности, образующие культурный капитал.

Механизм защиты культурного суверенитета и традиционных духовно-нравственных ценностей предполагает диалог власти и оппозиции по вопросам национальной безопасности. Логика общественного диалога в основе политики безопасности использует три оперативных подхода: охранительный, реляционный и критический для противодействия деструктивной и экстремистской идеологии.

Развитие критических исследований в области безопасности британским ученым Джозефом Даунингом (Joseph Downing) отражает медийные проявления экстремизма. В частности, пользователи новых медиа, таких как YouTube (РКН: сайт нарушает закон РФ) и Twitter (РКН: сайт нарушает закон РФ), считают французские службы безопасности малоэффективными в противодействии ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) и, как это ни парадоксально, распространение преступности и насилия в Марселе показывается тактическими медиа в све-

те способности «бессильных» граждан (криминального элемента) сопротивляться «насильственным негосударственным акторам» (террористам), что, безусловно, «демонстрирует способности политической сатиры...» [32]. Есть основания полагать, что в условиях постоянной террористической угрозы в результате «изображения ислама и мусульман в западных СМИ как угрозы безопасности» [27] возникают проявления исламофобии (в том числе криминальные и экстремистские).

Итальянский ученый Альберто Тальяпьетра (Alberto Tagliapietra) приходит к выводу, что восприятие аудиторией медиаконтента имеет важное значение для процессов секьюритизации. Применяя определенные формулировки и нарративы, средства массовой информации влияют на общественное восприятие конкретного явления как вызова или экзистенциальной угрозы общественной безопасности, экономическому процветанию, социальной стабильности или культурной однородности. На примере миграционного кризиса в Европе видно, как «секьюритизация, которой подверглась миграция, привела к значительному ухудшению восприятия мигрантов общественностью и, как следствие, к большей политической привлекательности партий, сделавших антииммиграционную направленность ядром своего публичного дискурса» [42].

Реляционная социология позволяет проводить операции по защите культурного суверенитета для расширения политического участия граждан в диалоге власти и оппозиции. Оперативный диалог по актуальным вопросам национальной безопасности формирует стратегическое доверие между гражданами и политическим классом [13], определяет повестку дня и ведется через лидеров мнений [14, с. 196].

В рамках реляционной социологии рассматриваются две доминирующие исследовательские парадигмы медиабезопасности. Во-первых, анализ эффекта CNN представляет массмедиа как независимого участника процесса разработки политики. Во-вторых, СМИ характеризуются как нейтральный канал, передающий сообщения политических элит. Обе эти парадигмы исходят из того, что редакции СМИ свободны в выборе формата работы и формируют повестку дня художественными методами в интересах своей аудитории, обсуждая проблемы национальной безопасности с теми политическими лидерами и представителями элит, чье мнение интересно гражданам.

Американский ученый Адам Ласк (Adam Lusk) полагает, что реляционная социология выводит «исследования медиабезопасности (media and security studies) за пределы эффекта CNN и устраняет фундаментальные теоретические ограничения, связанные с ним» [35]. В частности, европейские исследования демонстрируют, что «инакомыслие» (dissenting), а не «разочарование в гражданстве» (disaffected citizenship), является растущей тенденцией, особенно среди многонациональной молодежи, которая стремится критически работать в рамках национальной политики и оживлять ее, чтобы защитить свой гражданский статус посредством локальных и персонализированных политических акций, так как им не интересны традиционные формы политического действия [36].

Охранительный подход к защите культурного суверенитета и традиционных духовно-нравственных ценностей связан с угрозами диффамации, обмана аудитории средств массовой коммуникации, риторики ненависти и пропагандой насильственного экстремизма.

Вокруг пределов использования государственной властью запретительного метода регулирования ведется политический и научный диалог. Индийские ученые Наганна Четти (Naganna Chetty) и Шриджит Алатур (Sreejith Alathur), отмечая «практику раздельного обсуждения риторики ненависти и терроризма», полагают, что «риторика ненависти является разновидностью терроризма и следует за инцидентом или триггерным событием терроризма» [31], а значит, она должна быть не только секьюритизована, но и признана уголовным преступлением (криминализована).

По мнению В. Д. Никишина, «в информационном поле высокотехнологичных проектов могут совершаться следующие речевые действия, составляющие объективную сторону правонарушений (преступлений): диффамация (клеветнические речевые действия), фейкинг (фальшивые речевые действия), вербальный экстремизм (экстремистские речевые действия)» [21, с. 74].

Критические исследования безопасности отмечают, что медийный дискурс, связанный с безопасностью (*media/security nexus*), имеет миметический характер. Известный американский ученый Брайан Тейлор (Bryan C. Taylor) полагает, что «современная медиакультура часто связывает безопасность с имитацией. Миметическая теория используется для критики массмедийных представлений о безопасности, поскольку это условие достигается с помощью культурных практик адаптации, маскировки и симуляции» [43, р. 48]. В итоге основной проблемой для защиты культурного суверенитета и противодействия деструктивной идеологии становится достижение консенсуса в общественном диалоге в отношении содержания традиционных ценностей и способов применения государственной власти для их защиты.

Так, например, очевидно, что религиозные секты представляют угрозу безопасности государства. Справедливо и то, что «религиозные экстремистские объединения обладают иерархичной моделью организации, функционирование которой обеспечивается религиозным фактором, воплощающим в себе символический капитал, и легитимизирующим власть» [10, с. 39], что приводит к «объяснению экстремизма как формы организованной деятельности рационально мыслящих людей...» [9, с. 111]. Даже в научном дискурсе здесь прослеживается симуляция в оценке «рациональности», так как совершенно непонятно откуда берутся последователи в явно криминальных и мракобесных сектах. Если «на практике наблюдается иррациональный экстремизм — новое социально-политическое явление деятельного и преступного протеста против самой идеи гуманизма» [12, с. 612], то решить задачу по защите культурного суверенитета только воспитательными, запретительными и уголовно-правовыми методами не выйдет. Медиабезопасность государства обеспечивается регулированием общественного диалога в средствах массовой коммуникации для придания ему рациональных, объективных и просветительских смыслов, сосредоточенных вокруг идеи воспроизводства культурного капитала посредством конкурентного и открытого общения.

В заключение хочется остановиться на следующем. Представляется, что медиабезопасность занимает в доктрине асфатроники значимое положение ввиду того, что сформировавшееся в процессе цифровой трансформации глобальное медиапространство влияет на все сферы жизни общества. Глобальная безопасность, «охватывающая все сферы человеческой деятельности» [11], требует создания «структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы» [6, с. 38], без которых неизбежны технологическое отставание, коллективные социальные травмы и активизация международного насильственного экстремизма.

В условиях демократии и цифровой трансформации медиабезопасность государства предполагает диалог власти и оппозиции в рамках законодательных норм о противодействии экстремизму. Культурный капитал участников этого диалога — основа традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Актуализация проблем, связанных с деструктивной и экстремистской идеологией, не только в России, но и на Западе, демонстрирует то, как недоверие, некомпетентность и неспособность вести диалог приводят к экстремизму и этнополитическим конфликтам. Медиабезопасность государства невозможна без усилий национального креативного класса и творческих элит, которые экзистенциально заинтересованы в искоренении практик по симуляции безопасности и диалога вокруг национальных интересов России.

Литература

1. Агутин А. В., Гошуляк В. В., Синцов Г. В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и идеология российского уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 817–823. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823.
2. Алексеев Г. В., Аргылов Н. А., Байчик А. В., Бастрыкин А. И. и др. Глобальный индекс экстремизма. СПб., 2023.
3. Аль-Имад Ф. М., Малаховский А. К. Тенденции управления креативностью в СМИ // Человек. Социум. Общество. 2020. № 4. С. 36–39.
4. Бузгалин А. В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 155–166. DOI: 10.7868/S0042874418060134.
5. Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 83–124.
6. Васильев Ю. С., Кефели И. Ф., Колбанев М. О. Роль критических технологий в обеспечении глобальной безопасности // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 2 (107). С. 34–41.
7. Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 33–43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.033-043.
8. Генрих Н. В. Предмет уголовного права в контексте теоретических проблем правопонимания // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 58а–69.
9. Излученко Т. В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113.
10. Излученко Т. В. Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией // Logos et Praxis. 2022. Т. 21. № 2. С. 33–42. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4.
11. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020.
12. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628.
13. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Муйзиник Н. В. Доверие к оппозиции в условиях электронной демократии: правовые и политические аспекты // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 85–96. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9050.
14. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Свобода слова и медиабезопасность. Санкт-Петербург, 2019.
15. Колесникова О. И., Лаут Н. А. Медиабезопасность детского чтения: проектная деятельность в интернет-среде библиотеки // Библиотекосведение. 2022. Т. 71. № 4. С. 363–373. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-363-373.
16. Марочкина С. С., Круглова М. С., Круглова Л. Э. Медиабезопасность аудитории СМИ в современном информационном пространстве // Вопросы безопасности. 2023. № 1. С. 42–50. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39836.
17. Мезяная К. Н., Корневский К. М., Яшин К. Д., Лик С. К. и др. Анализ компьютерной зависимости и характера сновидений у студентов // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2016. № 1 (23). С. 57–64.
18. Мозжилин С. И., Устьянцев В. Б. Идеалы культуры и цивилизационный код России // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 198–202. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-198-202.
19. Нерсесянц В. С. «Образ врага» — автопортрет общества // Платон. 2014. № 4. С. 51–52.
20. Нерсесянц В. С. Кант и Сократ: концепция морали // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 198–216.
21. Никишин В. Д. Репутационная безопасность и медиабезопасность компаний и проектов в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9 (142). С. 73–82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082.
22. Никонов С. Б. Генезис трансформации медиакратии в ноополитику // Власть. 2014. № 7. С. 39–42.
23. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета

- Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4.
24. Поляков А. В. Либертарное правопонимание и коммуникативный подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 6–16.
  25. Слобожанова В. С. Общественно-политические ориентиры религиозного сообщества современной России в контексте обеспечения национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 29–40. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.40.29.
  26. Чешев В. В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 64–78.
  27. Ahmed Khan R. A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat. // Annals of Human and Social Sciences. 2022. Vol. 3. N 2. P. 255–263. DOI: 10.35484/ahss.2022(3-II)24.
  28. Al-Emad F. M. Media security in achieving national security // StudNet. 2020. Vol. 3. N 12. P. 1620–1635. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10316.
  29. Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // Security Dialogue 2005. Vol. 36, Iss. 3. P. 275–296.
  30. Buzan B., Wæver O. Slippery? contradictory? sociologically untenable? The Copenhagen school replies. // Review of International Studies 1997. Vol. 23. Is. 2. P. 241–250. DOI: 10.1017/S0260210597002416.
  31. Chetty N., Alathur S. Hate speech review in the context of online social networks // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
  32. Downing J. Memeing and Speaking Vernacular Security on Social Media: YouTube and Twitter Resistance to an ISIS Islamist Terror Threat to Marseille, France // Journal of Global Security Studies 2021. Vol. 6. Is. 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz081.
  33. Downing J. Social Media and Vernacular Security in the Digital Age // Critical Security Studies in the Digital Age. New Security Challenges. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-20734-1_5.
  34. Jarvis L. Toward a Vernacular Security Studies: Origins, Interlocutors, Contributions, and Challenges // International Studies Review. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 107–126, DOI: 10.1093/isr/viy017.
  35. Lusk A. Moving Beyond the CNN Effect or Stuck in the Middle? How Relational Sociology Remaps Media and Security Studies // International Studies Review. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 1–11. DOI: 10.1093/isr/viy003
  36. O'Loughlin B., Gillespie M. Dissenting Citizenship? Young People and Political Participation in the Media-security Nexus // Parliamentary Affairs 2012. Vol. 65, Iss. 1. P. 115–137. DOI: 10.1093/pa/gsr055.
  37. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies (1945). Princeton, 2013.
  38. Richards J. Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach. Palgrave Macmillan Cham, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
  39. Roggeveen S. New Media and Australia's National Security Debate // Security Challenges. 2015. Vol. 11. N 1. P. 21–28.
  40. Shapley D. The Media and National Security // Daedalus. 1982. Vol. 111. N 4. Print Culture and Video Culture. P. 199–209.
  41. Szelenyi I. Weber's theory of domination and post-communist capitalisms // Theory and Society. 2016. Vol. 45. P. 1–24. DOI: 10.1007/s11186-015-9263-6.
  42. Tagliapietra A. Media and Securitisation: The Influence on Perception // IAI Papers. 2021. N 21/34. 16 p.
  43. Taylor B. C. Imitation (In)Security: Cultivating Mimetic Theory to Critique the Media/Security Nexus // Communication Theory. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 48–69. DOI: 10.1111/comt.12104.
  44. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4. N 4. P. 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vaas@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3460-5038>

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

References

1. Agutin A. V., Goshulyak V. V., Sintsov G. V. Strategy of national security of the Russian Federation and ideology of the Russian criminal proceedings // All-Russian criminological magazine. 2017. Vol. 11. N 4. P. 817–823. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823 (in Rus.).
2. Alekseev G. V., Argylov N. A., Baychik A. V., Bastrykin A. I., etc. Global index of extremism. St. Petersburg, 2023 (in Rus.).
3. Al-Imad F. M., Malakhov A. K. Trends of management of creativity in media // Person. Society. Community. 2020. N 4. P. 36–39 (in Rus.).
4. Buzgalin A. V. People in the world of alienation: to criticism of liberalism and conservatism. Reaktualization of Marxist heritage // Philosophy Questions. 2018. N 6. P. 155–166. DOI: 10.7868/S0042874418060134 (in Rus.).
5. Varlamova N. V. Basic unity of the right and human rights // Works of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. N 4. P. 83–124 (in Rus.).
6. Vasilyev Yu. S., Kefeli I. F., Kolbanyov M. O. A role of critical technologies in ensuring global safety // News of the Russian academy of rocket and artillery sciences. 2019. N 2 (107). P. 34–41 (in Rus.).
7. Galyashina E. I. The concept of information (world outlook) security in Internet media in aspect of rechevedchesky examinations // Bulletin of the University of O. E. Kutafin (MGYuA). 2020. N 6 (70). P. 33–43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.033-043 (in Rus.).
8. Heinrich N. V. A subject of criminal law in the context of theoretical problems of right understanding // Magazine of Russian law. 2010. N 9 (165). P. 58a–69 (in Rus.).
9. Izluchenko T. V. Extremism research methodology in a modern scientific discourse // Humanitarian vector [Gumanitarnyi vektor]. 2020. Vol. 15. N 4. P. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113 (in Rus.).
10. Izluchenko T. V. Structurally functional features of religious extremist activity: between hierarchy and a setevization // Logos et Praxis. 2022. Vol. 21. N 2. P. 33–42. DOI: 10.15688/lp.jvol-su.2022.2.4 (in Rus.).
11. Kefeli I. F. Asfatronika: on the way to the theory of global safety. SPb., 2020 (in Rus.).
12. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremists: criminals and victims of radical violence // All-Russian criminological magazine. 2019. Vol. 13. N 4. P. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628 (in Rus.).
13. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Muzyzin N. V. Trust to opposition in the conditions of electronic democracy: legal and political aspects // Power. 2022. Vol. 30. N 3. P. 85–96. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9050 (in Rus.).
14. Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Freedom of speech and media safety. SPb., 2019 (in Rus.).
15. Kolesnikova O. I., Laut N. A. Mediabezopasnost of children's reading: design activity in an Internet environment of library // Russian Journal of Library Science. 2022. Vol. 71. N 4. P. 363–373. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-363-373 (in Rus.).
16. Marochkina S. S., Kruglova M. S., Kruglova L. E. Media safety of audience of media in modern information space // Safety issues. 2023. N 1. P. 42–50. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39836 (in Rus.).
17. Mezryanaya K. N., Korenevsky K. M., Yashin K. D., Lik S. K. et al. The analysis of computer dependence and nature of dreams at students // Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. 2016. N 1 (23). P. 57–64 (in Rus.).
18. Mozhilina S. I., Ustyantsev V. B. Ideals of culture and civilization code of Russia // Philosophy Questions. 2021. N 2. P. 198–202. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-198-202 (in Rus.).
19. Nersesyants V. S. "An image of the enemy" — a self-portrait of society // Platon. 2014. N 4. P. 51–52 (in Rus.).

20. Nersesyants V.S. Kant and Socrates: concept of morals // *Historical psychology and sociology of history*. 2015. Vol. 8. N 1. P. 198–216 (in Rus.).
21. Nikishin V.D. Reputation safety and media safety of the companies and projects in the context of sustainable development goals and the ESG principles // *Current problems of Russian law*. 2022. Vol. 17. N 9 (142). P. 73–82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082 (in Rus.).
22. Nikonov S.B. Genesis of transformation of videocracy in a noopolitka // *Power*. 2014. N 7. P. 39–42 (in Rus.).
23. Ovchinnikov A.I. National security and traditional spiritual and moral values: questions of legislative providing // *Messenger law department of Southern Federal University*. 2022. Vol. 9. N 1. P. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4 (in Rus.).
24. Polyakov A.V. Libertarian right understanding and communicative approach // *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2014. N 3 (314). P. 6–16 (in Rus.).
25. Slobozhnikova V.S. Social and political reference points of religious community of modern Russia in the context of ensuring national security // *News of the Irkutsk state university. Ser.: Political science. Religious studies*. 2022. Vol. 40. P. 29–40. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.40.29 (in Rus.).
26. Cheshev V.V. Technical progress in a cultural and historical context // *Philosophy Questions*. 2017. N 12. P. 64–78 (in Rus.).
27. Ahmed Khan R.A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat. // *Annals of Human and Social Sciences*. 2022. Vol. 3. N 2. P. 255–263. DOI: 10.35484/ahss.2022(3-II)24.
28. Al-Emad F.M. Media security in achieving national security // *StudNet*. 2020. Vol. 3. N 12. P. 1620–1635. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10316.
29. Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // *Security Dialogue* 2005. Vol. 36, Iss. 3. P. 275–296.
30. Buzan B., Wæver O. Slippery? contradictory? sociologically untenable? The Copenhagen school replies. // *Review of International Studies* 1997. Vol. 23. Is. 2. P. 241–250. DOI: 10.1017/S0260210597002416.
31. Chetty N., Alathur S. Hate speech review in the context of online social networks // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
32. Downing J. Memeing and Speaking Vernacular Security on Social Media: YouTube and Twitter Resistance to an ISIS Islamist Terror Threat to Marseille, France // *Journal of Global Security Studies* 2021. Vol. 6. Is. 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz081.
33. Downing J. Social Media and Vernacular Security in the Digital Age // *Critical Security Studies in the Digital Age. New Security Challenges*. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-20734-1_5.
34. Jarvis L. Toward a Vernacular Security Studies: Origins, Interlocutors, Contributions, and Challenges // *International Studies Review*. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 107–126, DOI: 10.1093/isr/viy017.
35. Lusk A. Moving Beyond the CNN Effect or Stuck in the Middle? How Relational Sociology Remaps Media and Security Studies // *International Studies Review*. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 1–11. DOI: 10.1093/isr/viy003
36. O’Loughlin B., Gillespie M. Dissenting Citizenship? Young People and Political Participation in the Media-security Nexus // *Parliamentary Affairs* 2012. Vol. 65, Iss. 1. P. 115–137. DOI: 10.1093/pa/gsr055.
37. Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies* (1945). Princeton, 2013.
38. Richards J. *Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach*. Palgrave Macmillan Cham, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
39. Roggeveen S. New Media and Australia’s National Security Debate // *Security Challenges*. 2015. Vol. 11. N 1. P. 21–28.
40. Shapley D. The Media and National Security // *Daedalus*. 1982. Vol. 111. N 4. Print Culture and Video Culture. P. 199–209.
41. Szelenyi I. Weber’s theory of domination and post-communist capitalisms // *Theory and Society*. 2016. Vol. 45. P. 1–24. DOI: 10.1007/s11186-015-9263-6.
42. Tagliapietra A. Media and Securitisation: The Influence on Perception // *IAI Papers*. 2021. N 21/34. 16 p.
43. Taylor B.C. Imitation (In)Security: Cultivating Mimetic Theory to Critique the Media/Security Nexus // *Communication Theory*. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 48–69. DOI: 10.1111/comt.12104.
44. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. N 4. P. 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru